

"Золотое дитя"

Эрнст Неизвестный тебя изваял не шутя.
Как почернело ты, Золотое дитя!
Золото, может, и было, — да та ли проба?
Из разверстой утробы — глядишь ты в оба.
И посмотрев в направлении твоего взгляда,
вижу в порту полоску грязной воды
и неподвижные краны подъемные. Где же — труды?
...Есть еще солнце, деревья. Чего еще надо?
Город, сделал тебе комплимент не слишком уместный,
подчеркнув твою силу скульптор Эрнст Неизвестный.
Как и мы, ты бессилен пред новыми временами,
хоть и гордишься еще великими именами.
Неузнаваемо все: и старо — да как будто бы ново.
А нувориши на платных лежанках читают Смирнова,
и "говорят за Одессу", своим убожеством сыты,
думая: это они — истинные одесситы!
Ты, Золотое дитя, толстый мальчик, уродец,
можешь смотреть без укора на этот народец?
Весело будем смеяться под старые шутки?
Улицы, лица, жизнь — пронесется мимо.
Мы — вместе с городом нашим — замрем в промежутке
между прошлым и будущим. А настоящее — мнимо.
Как нам припомнить улиц прежние лица?
Город уснул. И ему — его прошлое снится.
Ангел снится ему. Отрывают ангелу крылья.
Ангел — уже не взлетит. Он рыдает в бессилье.
...Город, как рыба большая, лежит на песке.
Он еще жив. Только жизнь его — на волоске.

* * *

Вот, наконец-то, освободив от груза,
ношу тяжелую сняв нежной рукой,
в очи мои глядит притихшая муза,
вся — задумчивость и покой.

Палец к устам приложив красноречивым жестом:
поэт, помолчи, в тишину, как в воду, войдя,
душу свою, как сосуд, наполни блаженством
бесконечного неба, прихрамывающего дождя,
зимних деревьев мудростью неизбежной...
Слышишь? Терпи и молчи. Молчи и терпи.
И тишины изначальной, безбрежной, безгрешной
взвесь полноту. И даже пером не скрипи.
Рано еще говорить. Вечность еще до весны.
Только молчать, словно глину в руках разминая слова.
Подмешай в эту глину соленые слезы и зимние сны.
Помолчи. Ведь душа, как и мир, — несказанным жива.

* * *

И за грядой потерь, оставив груз забот,
взойдя на эти грустные высоты,
дышать горчайшим воздухом свободы,
почти как рыба, открывая рот.
Когда еще так было одиноко?
Когда еще был этот мир так пуст?
Я — как песчинка на ладони Бога.
Как в небе — птица. Как замерзший куст.
Я — облаком плыву, снежинкой таю,
я — ветер, что расшиб свой лоб, затих.
Свободы воздух жадным ртом глотаю,
на волю отпускаю каждый миг...
Родимые я забываю лица
и солнцем слишком ярким ослеплен.
Жизнь, ты кричишь в моей груди, как птица
(то голод неба, что не утолен?).
О, до чего нелеп житейский сор,
когда огромное — так близко, рядом.
Ну что ж, возьми, вмести в себя простор,
глотаю ртом его, впивая взглядом...

* * *

Когда тебя волной накрыло горе —
молчи, не разговаривай с людьми.

Вот солнце. Вот трава. Вот небеса. Вот море.
Дано так много каждому — пойми!
Гляжу, как будто вышел из тюрьмы,
почти до боли напрягая зрение.
Трава, что даже посреди зимы
зеленая, — дает урок терпенья.
Ладонь свою я щедро распахну —
пускай клюют по зернышку синицы.
На жизнь не стоит обижаться, злиться,
а нужно в день войти, во глубину
сияния, неподвижности, покоя.
И солнцем освещенные стволы
(прижмись к ним ухом) — говорят такое
из тьмы, из глубины, подземной мглы!
В той мгле — и наших бед, и смерти нет.
Там жизнь струится, в тишине таится.
И выйдя, как она, из тьмы на свет,
увидишь: день — как чистая страница...

* * *

Бог — это просто тишина дыханья.
Прислушайся — неслышно дышит Он,
но мир колеблется подобно ткани,
подобно занавеске у окон.
Пока охватывает вещи трепет,
они — живые, дышат в такт с Творцом.
Его дыханье эти формы лепит.
Материя становится лицом.
Немых камней неловкие улыбки,
глаза деревьев, что глядят, кося...
В них исчезающий, стыдливый, зыбкий
намек на то, чего сказать нельзя.
Но внятны нам не эти лица — спины,
вещей, все осязаемое рукой.
Шершавая поверхность — не глубины,
не тишина дыхания, покой.
Не оттого ли пролетают мимо
слова, ушей коснувшись лишь едва?

А то, что мы высказываем, — мнимо,
совсем не то, чем эта жизнь жива.

* * *

Нужно идти, никуда не спеша.
И — как прислушиваются, где рана,
я прислушиваюсь: где душа?
Спит ли? Бодрствует неустанно?
Спит. Ведь сон — утоляет боль.
Зимний простор, утонувший в тумане, —
вроде усталой заботливой няни.
Не кипятись, не разыгрывай роль.
Не торопясь, эту горечь впивай
воздуха, душу целящий напиток.
Ветру поведай горя избыток
и перед небом себя не скрывай.
Поздно скрываться — деревья вокруг
знают о том, до чего тебе худо.
В жестах ветвей — запрокинутых рук —
мука своя и сочувствия чудо.
Вьется куда-то в парке тропа,
листья сухие еще не под снегом.
Вот и узнаешь, что значит судьба.
Вот и поймешь, как в разладе быть с веком.
Нежно ко лбу прикоснется зима.
Ибо, увы, от привычного ада
и от всего, что сводило с ума, —
только и есть, что вот эта прохлада.

